
КУРС ПО ВЫБОРУ

OPTION COURSE

Если говорить о средневековых моделях любви, периферических по отношению к аскетической ортодоксии, то прежде всего необходимо назвать рыцарскую традицию. Она уходит своими корнями в культуру Франции и распадается, в свою очередь, на две ветви: северофранцузскую, представленную рыцарским романом, и южнофранцузскую, нашедшую свое воплощение в поэзии трубадуров. Трактовка любви в этих традициях столь далека от ортодоксальной, что остается только восхищаться и недоумевать: как же это могло так красиво получиться?!. Итак, рыцарство... Начнем с северофранцузского авантюрного романа...

М. А. Можейко

УДК 177.6:130.2-047.48(4-15)

«РУКА МЕЧУ – СЕРДЦЕ ДАМЕ»: ТРАКТОВКА ЛЮБВИ В СЕВЕРОФРАНЦУЗСКОМ РЫЦАРСКОМ РОМАНЕ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Анализируются предпосылки формирования гипотетической модели любви в рыцарской средневековой культуре. Выявлены аксиологические сдвиги в развитии культуры Средневековья, которые привели к трансформации рыцарской традиции в направлении светскости.

Ключевые слова: рыцарство; рыцарская культура; кодекс чести; городская культура; аристократический двор; роман; рыцарский роман; лирико-героическая утопия; гипотетическая модель рыцарской любви.

Образец цитирования:

Можейко МА. «Рука мечу – сердце Даме»: трактовка любви в северофранцузском рыцарском романе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;3:131–139.

For citation:

Mojeiko MA. «A hand for sword – a heart for Lady»: the interpretation of love in the North French knightly romance. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3: 131–139. Russian.

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

«A HAND FOR SWORD – A HEART FOR LADY»: THE INTERPRETATION OF LOVE IN THE NORTH FRENCH KNIGHTLY ROMANCE

M. A. MOJEIKO^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkoraŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The article is devoted to the analysis of the preconditions for the formation of a hypothetical model of love in a knightly medieval culture. The axiological shifts in the development of Middle Ages culture, that led to the transformation of the knightly culture in the direction of secular form, are revealed.

Key words: chivalry; knightly culture; honor code; urban culture; aristocratic court; novel; knightly romance; lyrical and heroic utopia; the hypothetical model of knightly love.

Важнейшей по своему значению и резонансу в европейской культуре является трактовка любви, сформированная в рамках рыцарской традиции.

Исходно рыцарство представляло собой «общность всех благородных воинов, равных между собой» [1, с. 89]. Собственно, сами эквиваленты лексемы *рыцарь* – фр. *chevalier*, нем. *Ritter*, ит. *cavaliere* – этимологически означают *всадник* (см. [2; 3]), а самих рыцарей автор специальной энциклопедии рыцарства С. В. Жарков называет «конницей Западной Европы» (см. [4], гл. 1). Филипп де Пюи дю Кленшан, проследивая истоки рыцарства как феномена, говорит о первоначальных группах «профессиональных бойцов», «вооруженных всадников», обеспечивавших безопасность замков в условиях феодальной раздробленности («Европа покрылась тысячами примитивных замков, возведенных на холмах, откуда их владельцы правили и оказывали покровительство окрестному населению взамен повинностей и оброков» [5, с. 3]). По оценке историков, «во времена Средневековья насилие и жестокость были обычным делом. Практически все слои населения носили при себе личное оружие для того, чтобы защитить свою жизнь» [4, с. 5].

Согласно определению Ж. Флори, «рыцари – это прежде всего солдаты», причем к началу XI в. рыцарство еще не только не оформилось в качестве общественного института, но и не сложилось как социальная группа (это произойдет позднее, лишь к концу XII в.) [6; 7].

Фактически в феномене рыцарства находит свою объективацию процесс конституирования самосознания феодального сословия, и в этом контексте остро значимым оказывается поиск ценностных установок, которые легли бы в основу его содержания. В рамках традиционного эпоса герои совершали подвиги ради интересов рода или во исполнение вассального долга («Песнь о Роланде», «Песнь о Сиде» и др.). В отличие от этого в контексте рыцарской культуры возникает необходимость новой ценностной шкалы. Известен феодальный лозунг Средневековья «Дайте смысл вашей удали!» [1, с. 89; 8, с. 745].

И решающее слово здесь, несомненно, сказала церковь: с одной стороны, она могла это сделать, выступая мощнейшим идеологическим институтом Средневековья, с другой – была заинтересована как в возможности опоры на светскую власть, так и (в преддверии Крестовых походов) в выработке доктрины справедливой войны и воинской доблести. Интенция оказалась весьма успешной: уже к середине VIII в. церковь не только благословляла, но и сама опоясывала мечом (посвящала в рыцари) молодых воинов [1, с. 89; 8 с. 764–765].

Таким образом, первоначальное смысловое наполнение корпоративно-сословного самосознания феодалов задает именно церковь. Раннее рыцарство историки оценивают как «плод устремлений к лучшему», однако поначалу «еще несовершенный и лишенный всякой привлекательности», как сословие, фактически «состоявшее из разобщенных грубых воинов», в которое «церковь быстро вдохнула жизнь» (см. [5], гл. 1, разд. IV).

В силу этого изначально рыцарство представляло собой не только феодальный, но и сугубо религиозный институт: исходно рыцарь – это воин-христианин, чьи ратные доблести вписаны в контекст религиозного мировоззрения. Традиционным лозунгом рыцарства был *Душа – Богу, рука – мечу* [9, с. 822–841]; характерной являлась даже молитвенная поза рыцаря: он простирался на земле крестом, головой к востоку [8, с. 779]; известны также монашеские рыцарские ордены [10].

Таким образом, рыцарский этос, по оценке историков, представляет собой «сложный продукт взаимодействия военной системы ценностей и христианских нравственных устоев» [11, с. 433]. Филипп де Пюи дю Кленшан полагает, что феномен рыцаря вообще возникает как «компромисс между воином и христианином» (см. [5], гл. 1, разд. III).

Именно под влиянием церкви рыцари обрели неписанный кодекс чести, сыгравший немалую роль в смягчении роста насилия, исходившего из замков [5]. В первом теоретическом сочинении, посвященном рыцарству («Книга о рыцарском ордене» Рамона Льюля, конец XIII в.), говорится о том, что в смутные времена, когда были попорчены законы

и справедливость, для восстановления порядка народ разделили на тысячи и во главе каждой из них был поставлен самый преданный, сильный, храбрый и образованный *miles* – рыцарь (Рамон Льюль опирается на этимологию Исидора Севильского: *miles* – один из тысячи) [11, с. 435].

Разумеется, эта легенда сильно приукрашивает ситуацию. И конечно, в таком сложном синкризе идей и ценностей, как рыцарская идеология, можно обнаружить немало противоречий. Так, если братоубийство как таковое осуждалось вероучением, то Крестовые походы интерпретировались как реализация воли Провидения и выступали предприятием праведным и богоугодным. В этом отношении чрезвычайно показательно название хроники Первого крестового похода, написанной Гвибертом Ножанским: «Деяния Бога через франков» [12, с. 365].

Рыцарство претерпевает в истории средневековой Европы значительную эволюцию [13]. Так, прежде всего «из группы профессиональных бойцов» оно «постепенно превращалось в замкнутое сословие, смешиваясь со знатью»: уже в XII в. «титул рыцаря становится почетным отличием, обязательным даже для королей» [5, с. 80–92].

Соответственно, эволюционирует и рыцарский кодекс чести: в раннем его варианте первым и главным требованием было принятие крещения, за ним следовали истовость веры, готовность умереть за церковь, и лишь потом – воинские доблести. Позднее атмосфера постоянных усобиц, выливавшихся подчас в острые формы гражданских войн, и мировоззренческий резонанс Крестовых походов задавали в рыцарском кодексе чести акцент именно на ратных доблестях [14]. Содержание так называемых максим благородства (знаменитое покровительство вдовам и сиротам, защита невинно пострадавших, отказ от поддержки неправого дела и т. п.) также конкретизировано в этом контексте: например, нормативная *защита вдов и сирот* обеспечивала уверенность каждого рыцаря в том, что, погибши он на поле брани, его семья не будет оставлена без помощи. Галантные светские умения (играть в шахматы, слагать стихи Даме сердца и т. п.) появляются в более поздних вариантах кодекса.

Что же касается литературного проявления рыцарского идеала, то зрелой его формой выступают, как это на первый взгляд ни парадоксально, авантюрно-рыцарский северофранцузский роман (особенно ярко представленный в творчестве Кретьена де Труа и романах артуровского цикла) и куртуазная любовная лирика (нашедшая воплощение в поэзии трубадуров). Феномен рыцарства развивается в сторону светскости.

К числу социокультурных факторов, определивших трансформацию рыцарской культуры в светском направлении, относятся внутренние позитив-

ные факторы (формирование городов и развитие городской культуры), внутренние негативные факторы (экономические проблемы и разрушение веками устоявшихся социально-политических технологий), а также Крестовые походы как фактор внешний (кросс-культурное взаимодействие). При всей разнородности названных обстоятельств все они соотносимы хронологически.

В формировании новой системы мировоззрения принципиальную роль прежде всего сыграло развитие средневековых городов. Оформившаяся в XI–XII вв. городская культура Западной Европы становится важнейшей (а с течением времени – доминирующей) составляющей духовной жизни Средневековья.

Именно формирование городов как феномена экономического порядка (развитие мастерских, рост числа лавок менял и торговцев, появление постоянных дворов для купцов и т. п.) обеспечило достаточно высокий уровень материальной культуры (см. [15]), благодаря которому стал возможен «тот пышный декор, та роскошь, вообще то утончение и то усложнение придворной культуры, о которых столь часто – то с осуждением, то с нескрываемым воодушевлением – пишут средневековые хронисты» [16, с. 17].

Действительно, средневековые авторы пишут о городах, одновременно и восхищаясь их пышностью, и возмущаясь царящими в них изнеживающей роскошью и культом удовольствий. Так, например, в хронике Иоанна Солсберийского читаем: «...наслаждение – мачеха добродетели. Я не говорю о наслаждении, которое доставляют нам мир, долготерпение, благость, воздержание, радость в Духе Святом, – я говорю о наслаждении, которое дружит с застольем, пирами, возлияниями, танцами и пением, излишествами роскоши и разными видами разврата, которое расслабляет даже сильные души» [17, с. 361].

Однако, как бы ни относились к городам моралисты, средневековая культура XI–XII вв. конституируется на стыке классической феодальной традиции, фундированной идеями сеньориального вассалитета, с одной стороны, и оформляющейся традиции городской независимости – с другой.

Так, ранний город еще сохраняет базовые презумпции культуры феодальной, находясь в вассальной зависимости от сеньора, который, как говорится в документе 1204 г., «управляет своим народом и соблюдает его честь» [18, с. 15]. Кроме того, средневековый город и сам несет на себе печать определенного консерватизма: по оценке историков, «черты партикуляризма, местной обособленности, столь свойственные феодальному обществу, в немалой степени свойственны и экономической, и политической позиции городских коммун» [19, с. 5].

Однако наряду с этим в городской среде распространяется грамотность, открываются нецерковные школы, зарождается светская литература [19], разворачивается традиция городских развлечений [20]. И разумеется, в рамках раннегородской духовной среды приходят в столкновение традиция тотальной клерикализации, характерная для Средневековья в целом, и секулярная традиция светской эмансипации – с тенденцией постепенного (но все большего) доминирования последней. По оценке С. М. Стама, «города стали рассадниками новых идей и общественных движений», в них «угнездилась критическая мысль» [19, с. 4–5]. Это задает особую атмосферу аксиологического релятивизма, в рамках которой вызревает принципиально новый по отношению к традиционному Средневековью менталитет с характерной для него интенцией к свободе, выходящей далеко за пределы антиклерикального свободомыслия.

Идея свободы объективно оказывается важнейшим маркером городской культуры. Чрезвычайную важность имеет то показательное во всех отношениях обстоятельство, что, согласно закону 1219 г., дарованному императором Фридрихом городу Гослару и распространенному затем на многие иные города, *воздух города делает свободным* [21, с. 142]. Имелось в виду, что беглый серв, пересекший черту городских ворот и проживший в городе определенное время (стандартным сроком был год и один день), переставал быть крепостным и обретал статус свободного горожанина.

Впрочем, это касалось не только сервов: в определенном смысле данный тезис можно отнести также и к феодалам-сеньорам. Так, хроники сообщают, что в 1220 г. два рыцаря присягали на верность городу Авиньону за деревни и замки, которые они держали от него [22, с. 116]. Тем самым эти рыцари фактически обретали статус вассалов Авиньона, который в данном случае выступал в качестве сюзерена. Это событие может быть оценено как чрезвычайно важный прецедент, так как подобная практика радикальным образом меняет сущность вассалитета как такового. Традиционный оммаж (от фр. *homage* и лат. *hominium* – дань, почесть, отдавание почести) как ритуал, закрепляющий вассальную зависимость и сопровождающийся клятвой верности сеньору (фюа), самой своей этимологией (лат. *homo* – человек) выводит нас на притяжательные ассоциации и ощущение состояния принадлежности: *он – мой человек, ты – его человек* и т. п. Вассалитет в отношении города задает принципиально новый статус феномену вассальных связей: это не нахождение на службе у кого-то персонально (что, несомненно, предполагает ощущение личной зависимости), а фактически общественное служение.

Важным аспектом развития городской культуры является также феномен свободы самого города как

субъекта. Городская жизнь характеризуется такими явлениями, как коммунальность (т. е. общинность социальных и хозяйственных процессов, включая водоснабжение, дезодорацию, охрану улиц и т. п.) и муниципальность (т. е. городское самоуправление, предполагающее выборы мэра и наличие городского совета, причем часы на ратуше – месте заседаний совета – символизировали владение временем). Начиная еще с X в. эта тенденция проявляется в коммунальном движении как борьбе за независимость города от феодальных выплат и в XIII в. находит свое высшее воплощение в феномене Магдебургского права, согласно которому обеспечивалось городское самоуправление как в сферах экономической деятельности и имущественных отношений, так и в общественно-политической жизни, включая сословное состояние [23]. Таким образом, город становится полноправным субъектом политической жизни: появляются феномены городского права, городского судопроизводства, городского войска и т. п.

Однако тезис о воздухе города, который *делает свободным*, вполне правомерно толковать не только юридически буквально (в документальном смысле), но и фигурально – применительно к раскрепощению человеческого сознания и формированию нового типа городского менталитета.

Из незаметного ростка в системе средневекового мировоззрения городская традиция постепенно превращается в доминирующую культурную тенденцию. По образному выражению С. М. Стама, «башни городских готических соборов встали над замками феодалов и епископов» [19, с. 5].

Таким образом, именно город становился своего рода центром культурной жизни – центром одновременно и духовным, и светским. Именно город выступал отныне резиденцией епископа (а следовательно, и местом, где располагались церковная канцелярия, соборные школы, скриптории, в которых переписывались не только сочинения Отцов Церкви, но и произведения античных авторов). Именно город притягивал на свои площади певцов-менестрелей и жонглеров-хугларов, которых в сельской местности можно было не увидеть ни разу за целую жизнь. Именно в городах складывались значимые книжные собрания, причем принадлежащие не только монастырям, но и частным лицам. И именно город все чаще оказывался тем местом, где размещался аристократический двор феодала, уклад жизни которого в городских условиях разительно отличался от жизни в уединенном сельском замке, где пировали вассалы хозяина, вытирая жирные пальцы о шерсть собак и паже-ские кудри. В нашем контексте важно, что именно городская культура обеспечивает существование независимых аристократических дворов, выпавших из системы сеньориальной зависимости, в стиле жизни которых пришли в тесное взаимо-

действие устоявшаяся традиция рыцарского оммажа и раннегородская традиция с ее новым (если еще не открытым, то уже релятивным) мировоззрением, допускающим приглашение ко двору философов и поэтов, формирование книжных коллекций, поощрение искусств и зарождение зачатков галантности. Рыцарская традиция обретает новое качество, развиваясь в нерыцарской – городской – среде.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что на формирование новой (светской) версии рыцарской культуры существенное влияние оказало такое сугубо христианское мероприятие, как Крестовые походы. Это связано с тем, что именно Крестовыми походами были созданы условия для соприкосновения рыцарства с культурой Востока. Несмотря на то что соприкосновение это было достаточно поверхностным, восточная культурная традиция определенным образом (пусть даже с точки зрения чисто внешних своих характеристик) оказала воздействие на установки и ориентации рыцарской культуры, придав некоторые дополнительные импульсы общему процессу светской деформации ее исходной христианской парадигмы. По характеристике историка средневековых рыцарских войн Е. Щепкина, на Востоке «остатки умственной и художественной жизни античного человека ярко смешивались с пылкостью и роскошью восточной фантазии, с чувственностью и изнеженностью нравов магометан. Поэзия и наслаждение переплетались здесь в чарующую дымку, покрывавшую все грубые стороны быта. Дикой и узкой должна была сразу представиться феодалу вся его прежняя уединенная жизнь в мрачном замке... Под южным небом... впервые запала в его душу страсть к наслаждениям, к утонченному удовлетворению и всех своих пяти низших чувств, и самых утонченных и высоких потребностей ума и сердца» [8, с. 792].

Что уж говорить о среднестатистическом европейце, никогда не покидавшем то место, где он родился! Для него рассказ о Востоке – это всегда завораживающе экзотическая восточная сказка.

В силу этого локализованные в городах дворы сеньоров, где раньше и интенсивнее других начал культивироваться новый образ жизни, выступали своего рода центрами, куда стягивались рыцари, привлеченные светской придворной атмосферой. Среди характеристик последней медиевисты отмечают «увлечение светскими забавами, их своеобразный культ, несомненное проникновение в повседневную жизнь все более утонченных эстетических норм, в конечном счете слияние этики и эстетики» [16, с. 27].

Духовное взаимовлияние города и двора с учетом новых (светских) аксиологических установок того и другого оказалось очень плодотворным в культурном отношении. Именно эта почва и выра-

стила такой культурный феномен, как рыцарский роман, возникновение которого обычно относят к XII в. [24, с. 427]. По формулировке И. Г. Гердера, «нигде не было более благоприятных условий для развития романа, чем во Франции. Сошлось множество причин, а потому сам язык, поэзия, образ жизни, даже мораль и религия были заранее, словно нарочно, подготовлены к романам» [25, с. 588].

Под рыцарским романом в литературоведении понимают «связное сюжетное повествование с достаточно развитой фабулой, в стихах или прозе, родившееся в феодальной среде, отражающее ее вкусы и интересы и выбирающее в этой же среде своих героев», причем «эти герои могут выступать не обязательно в своей реальной жизненной обстановке, но в обстановке псевдоисторической, фантастической, условно ориентальной и т. д. – в зависимости от тематики того или иного произведения или цикла» [16, с. 3].

Сам термин *роман*, исходно означавший произведение на народном романском языке (в отличие от латинских церковных текстов), подчеркивает принадлежность данного жанра к светской культурной традиции. Как отмечает Э. Ренан, в сюжетах рыцарских романов «христианство редко обнаруживается; хотя иногда и чувствуется его близость, оно ни в чем не изменяет той естественной среды, в которой все происходит»: фактически епископ, присутствующий в Камелоте, лишь благословляет выставляемые на стол кушанья [26, с. 189]. Подчас это адекватно осмысливается самими авторами романов, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что один из них принимает псевдоним Пайен де Мазьер (что по-французски означает *Язычник из Мазьера*), явно обыгрывая с помощью этого многозначительного омонима антитезу с именем основоположника бретонского рыцарского романа и классика жанра в целом – Кретьен де Труа (соответственно – *Христианин из Труа*). Более того, в литературоведении существует гипотеза, согласно которой данный псевдоним принадлежит самому Кретьену [27, с. 266], что еще ярче подчеркивает альтернативность псевдонима (как результата свободного выбора) полученному при крещении имени.

Однако, несмотря на то что рыцарская культура в своих развитых экземплификациях фактически полностью отходит от церковной парадигмы, ее ни в коем случае нельзя рассматривать как сознательную оппозицию церковной ортодоксии: рыцарский роман формируется именно в лоне христианской культуры и содержательно выступает как плоть от плоти ее. В этом контексте он может быть оценен в качестве своего рода лирико-героической утопии, разворачивающейся тем не менее на фоне все еще действующей христианской системы ценностей. Даже авторами-романистами

нередко выступают монахи-клирики [16, с. 28–29]. Речь может идти лишь об объективной тенденции, заключающейся в генерации культурой теоретических моделей образа жизни, не укладывающихся в рамки официальной ортодоксии (и в силу этого объективно альтернативных ей), но не обретающих статуса сознательно противодействующей ей альтернативы.

Немаловажную роль в формировании романной традиции сыграло также то обстоятельство, что временной отрезок, хронологически непосредственно предшествующий Крестовым походам, был, мягко говоря, не самым благополучным периодом в истории Западной Европы.

Согласно летописям данный период отмечен несколькими подряд неурожайными десятилетиями и характеризуется глубочайшим экономическим кризисом, сопровождавшимся по всей центральной Франции практически тотальным голодом и, как следствие, широкими миграциями обнищавшего населения, страшными эпидемиями, а также крайним обострением междоусобиц и резкой криминализацией обстановки. По свидетельству уже упоминавшегося историка Первого крестового похода Гвиберта Ножанского, «в ту пору был всеобщий голод; даже богатые испытывали крайнюю нужду в хлебе» [12, с. 365].

Письменные памятники Средневековья сохранили описание ситуации в центральных областях Франции XI в.: «Голод по всей земле стал усиливаться, и гибель угрожала почти всему роду человеческому. <...> Казалось, что все стихии вступили между собою в ожесточенную борьбу, между тем как, без сомнения, они явились карой за гордыню человеческую. Непрерывными дождями вся земля была залита до того, что в течение трех лет нельзя было найти борозды, годной для посева... Весь род человеческий изнывал из-за отсутствия пищи... Стали пожирать мертвечину и другие неслыханные вещи... Страшно рассказывать, до какой степени доходило падение человеческого рода! Увы! Горе мне! <...> Люди пожирали мясо людей. На путников нападали те, кто был посильнее, делили их на части и, изжарив на огне, пожирали. Многие, гонимые голодом, переходили с места на место, их принимали на ночлег, а ночью душили, и хозяева употребляли их в пищу. Некоторые, показав детям яблоко или яйцо и отведя их в уединенное место, убивали и пожирали. Во многих местах тела, вырытые из земли, тоже шли на утоление голода... Волки, привлеченные трупами, оставшимися из-за множества покойников... стали делать своей добычей людей, чего уже давно не было» [21, с. 231–233].

Ситуация усугублялась и абсолютной дестабилизацией социально-политической обстановки. По характеристике Н. Шамониной, «в начале XI в. королевская власть страдала полным бессилием,

неукротимые мелкие владельцы попирали ногами общественный порядок. <...> Трупы остаются без погребения, земля без обработки, – при таких условиях зашедшая с Востока на Запад моровая язва производит здесь страшное опустошение» [28, с. 440–441].

Согласно метафоре А. Я. Гуревича, мир в средневековом представлении – «это не покоящийся при всем своем устремлении к небесам готический храм. Модель мира средневекового человека... живет какой-то пульсирующей жизнью: она постоянно колеблется, сжимается, переворачивается. Если это и собор, то собор во время землетрясения, – он грозит обвалом. Своды, колонны, статуи готовы сорваться со своих мест. Видимо, почва, на которой он возведен, сейсмична» [29, с. 28–29].

Предельная нестабильность условий жизни приводит и к ощутимой неустойчивости медиевального мироощущения: по оценке Ж. Ле Гоффа, «чувство неуверенности – вот что влияло на умы и души людей Средневековья и определяло их поведение» [30, с. 302]. Медиевисты отмечают высокую концентрацию эсхатологических настроений в мировоззрении этого периода: «...мир этот видел в себе только хаос: он стремился к порядку и ожидал его только от смерти. <...> Посмотрите на старинные статуи в соборах X и XI веков, худые, немые, с застывшей на лице гримасой, с видом страдальческим, как жизнь, и безобразные, как смерть» [28, с. 443].

Совершенно естественно, что на этом фоне в средневековой культуре формируется устойчивый мировоззренческий вектор иллюзорного ухода от действительности, попытки самоизоляции массового сознания от чудовищных реалий бытия посредством моделирования вымышленных миров – фантастических событийных континуумов, ирреальных моделей возможного (желаемого) устройства жизни.

Анализируя текстовые памятники этой эпохи, Ж. Ле Гофф констатирует, что «средневековые умы привлекало совсем не то, что можно было наблюдать» [30, с. 306, 319]. Как пишет М. Пастуро, «люди XII века, будь то клирики, рыцари или крестьяне, редко оставались довольны своей жизнью. Слишком тяжелой, мрачной, суетной и обманчивой была повседневная реальность, а окружающий мир – печальным. Все мечтали о чем-то ином... Эту потребность... жажду забвения и ностальгию по “золотому веку” каждый выражал по-своему. Существовало достаточно способов бегства от реальности» [31, с. 75].

В свете этого становится понятным, почему в качестве существенной характеристики медиевального сознания исследователи называют интенсивную работу воображения, способность создания творческим усилием особого, вымышленного мира – фан-

тастического событийного континуума, ирреальной модели возможного (желаемого) устройства жизни. Как пишет П. Ардашев, «воображение средневекового человека работало гораздо напряженнее, нежели разум, и ему на каждом шагу чудилось необычайное, сверхъестественное, чудесное. Чудо окружало человека с колыбели до могилы» [32, с. 621–622]. Весь описываемый отрезок эволюции средневековой духовности определяется, по образной формулировке Н. Шамонина, как «пора чудес и легенд, когда все представлялось в странном свете, как будто сквозь цветные стекла... чудеса наполняли обыденную жизнь» [28, с. 443]. При этом феномен чуда получает в средневековом массовом сознании трактовку, весьма далекую от канонических христианских представлений о теургии, обретая сказочно-фантастический, языческо-мифологический характер [33, с. 575].

Более того, исследователи формулируют вывод о наличии в культуре Средневековья специфических форм ухода от действительности – форм, конституирующих, по выражению Э. Ауэрбаха, «иллюзорный мир сословного или сословно-личного испытания и самоутверждения» [34, с. 152].

В этом контексте статус рыцарской культуры в рамках Средневековья может быть оценен как гипотетическая модель поведения и образа жизни, отнюдь не отражающая действительность реальной жизни, полной, по оценке Ф. Энгельса, «предательских убийств, отравлений, коварных интриг и всяческих низостей, которые только можно вообразить, всего того, что скрывалось за поэтическим именем рыцарства» [35, с. 411].

Соответственно, с точки зрения исследователя повседневности Средневековья М. Пастуро, «говорить о любви в конце XII в. – значит вести речь о... любви, воспетой... романистами. <...> Действительно, литературные произведения представляют историку самую полную и самую пленительную картину эмоциональной жизни». Однако, задавая вопрос о том, насколько эта картина «верна на самом деле», М. Пастуро склонен считать рыцарскую любовь скорее «литературным феноменом» [31, с. 70].

Итак, четыре фактора трансформации рыцарской культуры в направлении светскости (и они же – четыре фактора формирования рыцарского романа, предложившего средневековой Европе принципиально новую трактовку любви, о содержании которой речь пойдет в следующей статье):

- поиск новой идеологемы сословного благородства (нового *смысла рыцарства*) в условиях, когда родовой смысл уже утрачен, а практики нахождения индивидуально значимых конкретно-личностных идеологем еще не оформились, – любовь выступает в этом контексте и универсально предписанной целью подвига, и универсально обещанной наградой за доблесть;

- новое мышление, оформляющееся в рамках городской культуры как мышление критичное и характеризующееся первыми (пусть пока еще робкими) формами свободомыслия, которое позволило моделировать новый стиль жизни и новые формы отношений, выводящие трактовку любви далеко за рамки ортодоксальной аскезы;

- влияние культуры Востока, поверхностный взгляд крестоносцев на которую создал иллюзию экзотического волшебного мира, не имеющего прямого отношения к реалиям восточной жизни, но рисующего в воображении средневекового европейца иной, гедонистический образ жизни – жизни чувственных удовольствий и утонченных наслаждений;

- кошмар повседневности, заставляющий сознание бежать от реальности и искать прибежища в вымышленном мире, полном сказочных чудес, к числу которых относится и галантная рыцарская любовь.

Параллельное действие этих факторов и приводит к той трактовке (гипотетической модели) любви, которая фундирует средневековый рыцарский роман. Исходный девиз рыцарства *Душа – Богу, рука – мечу* сменяется в рамках северофранцузской рыцарской традиции девизом *Рука – мечу, сердце – Даме* [9].

Что же в этом сердце? Какова она, поэтическая сказка рыцарской любви? Итак, интрига сложилась... Что ж, продолжение следует!

Библиографические ссылки

1. Монфред АЗ, редактор. *История Франции в 3 томах. Т. 1.* Москва: Наука; 1972. 360 с.
2. Кардини Ф. *Истоки средневекового рыцарства.* Москва: Прогресс; 1987. 384 с.
3. Кин М. *Рыцарство.* Москва: Научный мир; 2000. 520 с.
4. Жарков СВ. *Рыцари: первая полная энциклопедия.* Москва: Эксмо; 2016. 672 с. Совместное издание с «Яуза». (Лучшие воины в истории).
5. Кленшан Ф. де Пюи дю. *Рыцарство.* Санкт-Петербург: Евразия; 2004. 190 с. (Clio).
6. Флори Ж. *Идеология меча. Предыстория рыцарства.* Санкт-Петербург: Евразия; 1999. 314 с. (Clio).
7. Флори Ж. *Повседневная жизнь рыцарей в Средние века.* Москва: Молодая гвардия; 2006. 356 с. (Живая история. Повседневная жизнь человечества).
8. Щепкин ЕН. *Рыцарство.* В: Виноградов ПГ, редактор. *Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Вып. 2.* Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1897. с. 734–821.
9. Казанский И. *Средневековая лирика.* В: Виноградов ПГ, редактор. *Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Вып. 2.* Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1897. с. 822–841.

10. Демурже А. *Рыцари Христа. Военно-рыцарские ордена в Средние века, XI–XVI вв.* Санкт-Петербург: Евразия; 2008. 542 с.
11. Луцицкая СИ. Рыцарство. В: Гуревич АЯ, редактор. *Словарь средневековой культуры.* Москва: Российская политическая энциклопедия; 2007. с. 431–437. (Summa culturologiae).
12. Гвиберт Ножанский. Деяния Бога через франков. В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 365–367.
13. Руа ЖЖ. *История рыцарства.* Москва: Алетейа; 1996. 248 с. (Vita memoriae).
14. Коэн Г. *История рыцарства во Франции. Этикет, турниры, поединки.* Москва: ЗАО «Центрполиграф»; 2010. 168 с.
15. Сванидзе АА, редактор. *Город в средневековой цивилизации Западной Европы. В 4 томах. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан.* Москва: Наука; 1999. 345 с.
16. Михайлов АД. *Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе.* Москва: Наука; 1976. 351 с.
17. Иоанн Солсберийский. Поликратик: о забавах придворных и путях, указываемых философами. В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 353–362.
18. Обычаи и вольности города Монпелье – 1204 [документальное приложение]. В: Стоклицкая-Терешкович ВВ, Плешкова СЛ. *Средневековый город в Западной Европе в XI–XV вв.* Москва: Издательство Московского университета; 1969.
19. Стам СМ. *Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII веков).* Саратов: Издательство Саратовского университета; 1969. 429 с.
20. Крылова ЮП. Игры и развлечения горожан. В: Сванидзе АА, редактор. *Город в средневековой цивилизации Западной Европы. В 4 томах. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей.* Москва: Наука; 2000. с. 319–337.
21. Егоров ДН, редактор. *Средневековье в его памятниках. Переводы.* Москва: Типолитография «Я. Данкин и Я. Хо-мутов»; 1913. 292 с.
22. Моравский С. Французские города в Средние века. В: Виноградов ПГ, редактор. *Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Вып. 2.* Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1897. с. 92–132.
23. Рогачевский АЛ. *Меч Роланда: правовые взгляды немецких горожан XIII–XVII вв.* Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 1996. 153 с.
24. Михайлов АД. Молодые герои Кретьена. В: Кретьен де Труа. *Эрек и Энида. Клижес.* Москва: Наука; 1980. с. 427–476. (Литературные памятники).
25. Гердер ИГ. *Идеи к философии истории человечества.* Москва: Наука; 1977. 703 с.
26. Ренан Э. Критические и этические очерки. В: Ренан Э. *Полное собрание сочинений в 12 томах. Т. 3.* Киев: Издательство Б. Фукса; 1902. 220 с.
27. Пуришев БИ, составитель. *Зарубежная литература Средних веков: латинская, кельтская, скандинавская, провансальская, французская литературы.* Москва: Просвещение; 1974. 399 с.
28. Шамонин НН. Подготовка Первого крестового похода. В: Виноградов ПГ, редактор. *Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Вып. 2.* Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1897. с. 442–458.
29. Гуревич АЯ. О новых проблемах изучения средневековой культуры. В: Данилова ИЕ. *Культура и искусство западноевропейского средневековья. Материалы научной конференции;* 1980. Москва: Советский художник; 1981. с. 5–34.
30. Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада.* Москва: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия»; 1992. 376 с.
31. Пастуро М. *Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола.* Москва: Молодая гвардия; 2001. 239 с. Совместное издание с «Классик». (Живая история. Повседневная жизнь человечества).
32. Ардашев П. Цезарий Гейстербахский (черты средневекового настроения и мирозерцания). В: Виноградов ПГ. *Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Вып. 2.* Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1897. с. 620–630.
33. Луцицкая СИ, АрнаUTOVA ЮЕ. Чудо. В: Гуревич АЯ, редактор. *Словарь средневековой культуры.* Москва: Российская политическая энциклопедия; 2007. с. 575–578.
34. Ауэрбах Э. *Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе.* Москва: Прогресс; 1976. 556 с.
35. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Т. 21.* 2-е издание. Москва: Государственное издание политической книги; 1961. с. 406–416.

References

1. Manfred AZ, editor. *Istoriya Frantsii v 3 tomakh. T. 1* [The history of France in 3 vols. Vol. 1]. Moscow: Nauka; 1972. 360 p. Russian.
2. Cardini F. *Istoki srednevekovogo rytsarstva* [Origins of medieval knighthood]. Moscow: Progress; 1987. 384 p. Russian.
3. Kin M. *Rytsarstvo* [Knighthood]. Moscow: Nauchnyu mir; 2000. 520 p. Russian.
4. Zharkov SV. *Rytsari: pervaya polnaya entsiklopediya* [Knights: the first complete encyclopedia]. Moscow: Eksmo; 2016. 672 p. Co-published by «Yauza». (The best warriors in history). Russian.
5. Klenshan F. de Puy du. *Rytsarstvo* [Knighthood]. Saint Petersburg: Eurasia; 2004. 190 p. (Clio). Russian.
6. Flory J. *Ideologiya mecha. Predystoriya rytsarstva* [The ideology of the sword. Prehistory of Knighthood]. Saint Petersburg: Evraziya; 1999. 314 p. (Clio). Russian.
7. Flory J. *Povsednevnyaya zhizn' rytsarei v Srednie veka* [Daily life of knights in the Middle Ages]. Moscow: Young Guard; 2006. 356 p. (Living History. Everyday Life of Mankind). Russian.

8. Schepkin EN. [Knighthood]. In: Vinogradov PG, editor. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov, sostavlenneya kruzhkom prepodavatelei* [The book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers]. Vol. 2. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova; 1897. p. 734–821. Russian.
9. Kazansky I. [Medieval Lyrics]. In: Vinogradov PG. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov, sostavlenneya kruzhkom prepodavatelei* [The book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers]. Vol. 2. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova; 1897. p. 822–841. Russian.
10. Demurge A. *Rytsari Khrista. Voennno-rytsarskie ordena v Srednie veka, XI–XVI vv.* [The Knights of Christ. Military-knightly orders in the Middle Ages, XI–XVI centuries]. Saint Petersburg: Evrazia; 2008. 542 p. Russian.
11. Luchitskaya SI. [Knighthood]. In: Gurevich AY, editor. *Slovar' srednevekovoi kul'tury* [Dictionary of medieval culture]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2007. p. 431–437. (Summa culturologiae). Russian.
12. [Guibert from Nogent. Acts of God through the Franks]. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the X–XII centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 365–367. Russian.
13. Roy JJ. *Istoriya rytsarstva* [The history of Knighthood]. Moscow: Aleteiya; 1996. 248 p. (Vita memoriae). Russian.
14. Cohen G. *Istoriya rytsarstva vo Frantsii. Etiket, turniry, poedinki* [History of chivalry in France. Etiquette, tournaments, duels]. Moscow: Tsentrpoligraf; 2010. 168 p. Russian.
15. Svanidze AA, editor. *Gorod v srednevekovoi tsivilizatsii Zapadnoi Evropy* [City in the medieval civilization of Western Europe. In 4 vols. Vol. 2. Life of the city and the activities of citizens]. Moscow: Nauka; 1999. 345 p. Russian.
16. Mikhailov AD. *Frantsuzskii rytsarskii roman i voprosy tipologii zhanra v srednevekovoi literature* [French knightly romance and questions of typology of the genre in medieval literature]. Moscow: Nauka; 1976. 351 p. Russian.
17. John from Salisbury [Polikratik: on the amusements of courtiers and the ways indicated by philosophers]. In: Grabar'-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the X–XII centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 353–362. Russian.
18. [The customs and liberties of the city of Montpellier – 1204] [documentary application]. In: Stoklitskaya-Tereshkovich VV, Pleshkova SL. *Srednevekovyi gorod v Zapadnoi Evrope v XI–XV vv.* [Medieval city in Western Europe in the XI–XV centuries]. Moscow: Publishing house of the Moscow University; 1969. Russian.
19. Stam SM. *Ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitie rannego goroda (Tuluza XI–XIII vekov)* [Economic and social development of the early city (Toulouse XI–XIII centuries)]. Saratov: Publishing house of the Saratov University; 1969. 429 p. Russian.
20. Krylova YP. [Games and entertainment of townspeople]. In: Svanidze AA, editor. *Gorod v srednevekovoi tsivilizatsii Zapadnoi Evropy. V 4 tomakh. T. 3. Chelovek vnuti gorodskikh sten. Formy obshchestvennykh svyazei* [The city in the medieval civilization of Western Europe. In 4 vols. Vol. 3. A man inside the city walls. Forms of public relations]. Moscow: Nauka; 2000. p. 319–337. Russian.
21. Egorov DN, editor. *Srednevekov'e v ego pamyatnikakh. Perevody* [The Middle Ages in its monuments. Translations]. Moscow: Printing house and lithography «Y. Dankin and Y. Khomutov»; 1913. 292 p. Russian.
22. Moravsky S. [French cities in the Middle Ages]. In: Vinogradov PG, editor. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov, sostavlenneya kruzhkom prepodavatelei. Vyp. 2* [The book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers. Vol. 2]. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova; 1897. p. 92–132. Russian.
23. Rogachevsky AL. *Mech Rolanda: pravovye vzglyady nemetskikh gorozhan XIII–XVII vv.* [The sword of Roland: Legal views of German townspeople of XIII–XVII centuries]. Saint Petersburg: Publishing house of Saint Petersburg University; 1996. 153 p. Russian.
24. Mikhailov AD. [Young heroes of Chretien]. In: Chretien de Troyes. *Erek i Enida. Klizhes* [Erec and Enid. Cliges]. Moscow: Nauka; 1980. p. 427–476. (Literary Monuments). Russian.
25. Herder IG. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas to the philosophy of the history of mankind]. Moscow: Nauka; 1977. 703 p. Russian.
26. Renan E. [Critical and Ethical Essays]. In: Renan E. *Polnoe sobranie sochinenii v 12 tomakh. T. 3* [Complete set of works in 12 volumes. Vol. 3]. Kiev: B. Fuchs' Publishing house; 1902. 220 p. Russian.
27. Purishev BI, compiler. *Zarubezhnaya literatura Srednikh vekov: latinskaya, kel'tskaya, skandinavskaya, provansal'skaya, frantsuzskaya literatury* [Foreign literature of the Middle Ages: Latin, Celtic, Scandinavian, Provencal, French literature]. Moscow: Prosveshchenie; 1974. 399 p. Russian.
28. Shamonin NN. [The preparation of the first crusade]. In: Vinogradov PG, editor. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov, sostavlenneya kruzhkom prepodavatelei. Vyp. 2* [The book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers. Vol. 2]. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova; 1897. p. 442–458. Russian.
29. Gurevich AY. [About new problems of studying medieval culture]. In: Danilova IE, editor. *Ku'tura i iskusstvo zapadnoevropeiskogo srednevekov'ya. Materialy nauchnoi konferentsii* [Culture and art of the Western European Middle Ages. Proceedings of a scientific conference; 1980; Moscow, Russia]. Moscow: Sovetskii khudozhnik; 1981. p. 5–34. Russian.
30. Le Goff J. *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [The civilization of the medieval West]. Moscow: Publishing group «Progress», «Progress-Akademiya»; 1992. 376 p. Russian.
31. Pasturo M. *Povsednevnyaya zhizn' Frantsii i Anglii vo vremena rytsarei Kruglogo stola* [The daily life of France and England in the time of the knights of the Round Table]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2001. 239 p. Co-published by «Klassik». (Living History: Everyday Life of Mankind). Russian.
32. Ardashev P. [Cesarei Geisterbakhsky (Features of medieval mood and worldview)]. In: Vinogradov PG, editor. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov, sostavlenneya kruzhkom prepodavatelei. Vyp. 2* [The book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers. Vol. 2]. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova; 1897. p. 620–630. Russian.
33. Luchitskaya SI, Arnautova YE. [Miracle]. In: Gurevich AY, editor. *Slovar' srednevekovoi kul'tury* [Dictionary of Medieval culture]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2007. p. 575–578. Russian.
34. Auerbach E. *Mimesis. Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapadnoevropeiskoi literature* [Mimesis. The image of reality in Western European literature]. Moscow: Progress; 1976. 556 p. Russian.
35. Engels F. [On the decomposition of feudalism and the emergence of national states]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. T. 21* [Collected Works. Vol. 21]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdanie politicheskoi knigi; 1961. p. 406–416. Russian.